

В. Ф. ПЕТРЕНКО, В. Л. ВАЙНЕР, Н. Ю. ГЛАДКИХ

ФАКТОРЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ И МАЛЫХ ГОРОДОВ В РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ НА ПРИМЕРЕ «СЛЕТОВ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ»*

Развитие территорий последние два десятилетия является актуальной, все более «модной» темой. Появляются масштабные программы спасения малых городов, сельских территорий, наукоградов, моногородов, отдельных регионов страны, таких как, например, Дальний Восток, на реализацию которых тратятся миллиарды бюджетных средств. Между тем, очевидно, что финансовая поддержка не является единственным фактором развития данных территорий, как и эффективность реализации подобных программ, вероятно, слабо коррелирует с количеством вложенных в нее средств. В некоторых районах в силу определенных факторов, проявляется и устойчивость местного самоуправления, и снижение темпов оттока в крупные города с агломерациями, и формирование новых укладов — в том числе, с элементами новой, социальной экономики — но достигается это во многом через формирование социальной кооперации местных жителей, развитие нового ремесленничества, изменения социальных ролей в небольших поселениях и так далее.

В 2017 году один из российских фондов поддержки предпринимательства — частный фонд региональных социальных программ «Наше Будущее» начал искать и оказывать поддержку подобным точкам роста локальной экономики. Опыт такой поддержки кажется крайне интересным для изучения и на сегодняшний день можно подвести первые его итоги. Интересно, что в предыдущие годы Фонд направлял свою активность в крупные города, проводя там, так называемые, Слеты социальных предпринимателей — представителей малого бизнеса и социально-ориентированных некоммерческих организаций, целью деятельности которых является решение или смягчение социальных проблем регионов, и как правило, такие направления работы, как изменение статуса социально незащищенных граждан (безработных, имеющих трудности в получении работы, матерей с детьми до 7 лет, людей с инвалидностью и так далее), их социализацию, трудоустройство, создание условий для нового качества жизни, через социальный туризм, образовательные и культурные программы и так далее. [Гладких и др. 2017].

Но постепенно внимание перешло к малым городам и сельским территориям, где при тех же вложениях и при определенной «поисковой настойке», можно было найти гораздо больше заинтересованных и живых предприни-

* Статья написана при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках проекта № 14–18–03784 «Многообразие видов социокультурной сплоченности в условиях российских реформ: концептуализация и квалиметрия», реализуемого в РОО «Сообщество профессиональных социологов».

мателей и актива сообществ. Таким образом, для экспертов Фонда на практике нашли подтверждение слова В. Глазычева, о том, что в регионах нет иного ресурса не только развития, но (в большинстве случаев) и простого воспроизводства социально-экономической ситуации на территориях, чем тот, что содержится в населении малых городов [Глазычев 2017].

Кроме смены фокуса внимания с агломераций на малые города и сельские территории, перед запуском проекта эксперты Фонда ориентировались на несколько имеющихся в научном поле подходов к развитию территорий.

Во-первых, сам поиск точек роста и проявления жизни на территориях оказался близким к позиции целого ряда ученых во главе с Н. Е. Покровским, сформулировавшим идею об «очаговой экономике». В понимании Покровского «очаговая» экономика и социальная структура исходят «не из тотального покрытия территорий и поддержания поселений любой ценой, а из возникающих центров (очагов) экономически выгодной деятельности, которая «точно» (фокально) воссоздает социальную структуру, обновляет, казалось бы, безвозвратно деградирующее население и порождает новые поселения» [Покровский 2008]. Очаговая экономика и социальная структура не стремятся к тотальному освоению или поддержанию окултуренных территорий. Напротив, территориальное освоение происходит ровно настолько, насколько это экономически рационально. В этом смысле «очаговый» означает реально растущий, рациональный, ограниченный потребностями экономической деятельности, мобилирующий трудовые ресурсы соответствующей квалификации. Также в рамках «очаговой экономики» отмечается и изменение ориентации производства с моносельскохозяйственного на «многофункциональное» хозяйство. В рамках чего аграрный сектор рассматривается не только с позиции производства продукции сельского хозяйства, но учитывает социальные и экологические аспекты, развитие несельскохозяйственных видов деятельности [Там же].

Во-вторых, одним из острых и показательных факторов изменения территорий становится изменение роли и позиции сельской женщины. В ряде исследований профессора Н. Зубаревич отмечается этот «невидимый фактор» следующим образом: «если выйти за пределы средних показателей и по возможности дезагрегировать имеющиеся статистические данные по признаку пола и по месту проживания, то обнаружится, что в критических областях (например, в отношении формальной занятости, доступа к социальным услугам, таким как учреждения по уходу за детьми или пенсионное обеспечение, а также в отношении участия в местном самоуправлении и т.д.) сельские женщины часто находятся в наименее благоприятном положении. Некоторые сферы, такие как доступ к производственным ресурсам (земельным ресурсам, кредитам, сельскохозяйственной технике, услугам по распространению сельскохозяйственных знаний и т.д.), имеют первостепенное значение для уровня жизни сельских домохозяйств, но, как правило, не рассматриваются с учетом гендерной проблематики» [Зубаревич 2017].

При этом, важным для поиска факторов развития территорий является то, что доступ сельских женщин к производственным ресурсам ниже по сравнению с сельскими мужчинами. Как отмечает Н. Зубаревич, за последние

десятилетия резко сократилось участие сельских женщин в общественной жизни. По ее мнению, сельские женщины представляют собой важный ресурс для экономического развития, хотя в значительной степени и неучтенный, поскольку их вклад в экономику носит зачастую невидимый характер и остается незамеченным [Зубаревич 2017].

В третьих, еще одним значимым фактором для понимания развития территорий стало изменение роли «большого города» в отношении развития малых городов и деревни. Если исторически практически весь 20-й век город был исключительно принимающей стороной, то постепенно, с 70-х годов, начал формироваться тип «дачников» приобретающих дома в деревне, когда зоны летнего «расползания» Москвы и Санкт Петербурга сомкнулись на юге Псковской и Новгородской областей на расстоянии более 300 км от каждого центра. Для примера, в Невельском районе Псковской области на семь с половиной тысяч местных жителей приходится летом 4 тысячи дачников, 70% которых – это москвичи и петербуржцы [Филлипович, Павлова 1995]. В ряде случаев, дачными «переселенцами» движет «двойная выгода»: возможность благоустроить дачное жилье до уровня своего городского жилья, сдав городское внаем по высокой цене (особенно в Москве), плюс относительная дешевизна загорода [Нефедова и др. 2001]. По мнению исследователей, сдерживает такое переселение слабая инфраструктура и сервис, плохие местные дороги, низкая автомобилизация и дефицит достойных мест приложения труда. При этом исследователями отмечается, что о массовом переходе к суб и контрурбанизации в массовом сознании можно будет говорить тогда, когда за город на основное место жительства будет переезжать российский средний класс [Там же].

Именно эти процессы включения среднего класса в контрурбанизацию стали ярко заметны при изучении состава и драйверов развития территорий в 2017 году в рамках подготовки и проведении Слетов социальных предпринимателей экспертами фонда «Наше будущее».

При этом, чтобы избежать идеализации перспектив развития территорий, важно отметить еще несколько деталей, связанных с современными условиями жизни в малых городах и деревнях.

С одной стороны, это огромный разрыв между органами управления и населением. Это явление фиксировал как ключевое еще В. Глазычев: «в большинстве случаев "власть" и "население" существуют фактически в разных плоскостях. Администрация, имея своё представление о потребностях города и, как правило, дефицитный бюджет, пытается реализовать какие-то программы; население же, имея собственное представление о функциях местной администрации, пытается разрешить свои проблемы, не замечая власти. Самой распространенной характеристикой для работы местной администрации были слова жителей: "мы их не замечаем, не видим"» [Глазычев 2017].

С другой стороны, нельзя не отметить базовые характеристики образа жизни (они проявлены и в крупных городах, например, таких как Архангельск или Челябинск), которые являются практически обязательным элементом среды в сельской местности (отчасти компенсируемой дикой природой).

О таком факторе уже суггестивного воздействия на жителей пишут В. Ф. Петренко и В. В. Кучеренко, отмечая, что «для поддержания нормального психического состояния человеку необходимы красивые образы, приятные переживания, гармоничные звуки. Даже если мы не обращаем на них внимания, все это воздействует на нас. Если человек живет с тревогой в душе, или, скажем, окна его квартиры выходят на помойку, которую он наблюдает изо дня в день, вроде бы и, не обращая внимания, то на субсенсорном уровне происходит подпороговая суммация, и множество негативных переживаний, накладываясь, друг на друга, в конце концов, вызывают фрустрацию, которая кончается срывом» [Петренко, Кучеренко 2002].

На этом депрессивном фоне, усиленном разделенностью управления и жителя (а, значит, и необратимостью бессмысленности проявления какой-либо активности), «городская культура позволяет горожанам видеть огромные не реализованные возможности села во всех сферах жизни. Сельские жители, находясь в состоянии долговременной социальной и психологической депрессии, также осознают, что своими силами им не остановить процесс обвальной деградации и умирания села. И это, действительно, так. Здесь смыкаются два процесса, два согласованных интереса и возникает глубинная органическая интеракция, которая в состоянии создать и уже стихийно создает и некие новые социальные структуры — сельско-городские (пока что незримые и нередко нераспознаваемые) сообщества» [Покровский 2008].

На основе данных системообразующих факторов ситуации развития малых городов и сельских территорий эксперты фонда «Наше Будущее», а также ряд специалистов по развитию территорий из некоммерческих организаций (Фонд развития медиапроектов и социальных программ «Глэдвэй», Центр социальных технологий «Гарант») и другие предложили гипотезу о том, что наиболее эффективными формами поддержки экономической и социальной активности станет поддержка уже в любой степени проявленных инициатив местных жителей, перешедших от стадии ситуативных сообществ к постоянным активам, в которых:

1. Есть устойчивая форма самоорганизации с наличием взаимодействия с местными органами самоуправления (например ТОС — территориальное общественное самоуправление, фонд местного сообщества, соседский центр и так далее [Шомина 2015]).
2. Есть устойчивая команда (как правило, местных жительниц, среднего возраста).
3. Есть опыт организации жителей для совместного решения проблем или задач местного сообщества.
4. Есть коллективная форма демонстрации хозяйственных активностей (была выбрана форма ярмарки местных мастеров, фермеров, ремесленников, участников творческих коллективов, жителей, имеющих хобби и так далее).
5. Есть идея позиционирования территории и визуализация будущего (например, поселок Пинега Архангельской области, видит себя уездным

городом, как до 1917 года, а Городец Нижегородской области считает себя центром всех ремесел России).

6. Ярмарка охватывает регионы не по административно-территориальному признаку, а органически, в том числе, с учетом транспортных, исторических, географических и других условий.

Таким образом для подтверждения гипотезы необходимо было выявить и поддержать ярмарки в малых городах, выбрав при этом определенный формат поддержки, учитывающий специфику комплекса выше указанных факторов.

Таковыми формами поддержки стали:

1. Формирование деловой программы ярмарки, с приглашением ведущих российских специалистов по предпринимательству, малому бизнесу, продвижению, дизайну, маркетингу и так далее, на основе запросов участников ярмарки, местных жителей.
2. Формирование представлений у организаторов ярмарок о специфике гостеприимства с учетом смысловой пары «турист-инвестор», значение которой характеризуется подходом к любому туристу (не зависимо от объема финансов и целей приезда) как «социальному инвестору» – то есть тому, кто, при создании условий, обеспечивает гарантированный вклад различных ресурсов (от информационных до финансовых) уже самим фактом приезда на территорию.
3. Выявление уникальных товаров и услуг, производимых на территории местными жителями для содействия их размещения в торговых сетях.
4. Создание условий для упаковки местных товаров для дальнейшего продвижения.
5. Выявление «потерянных», в том характеристик территории и потенциала для малых производств, важных для местных жителей (так, например, значение символа «Рог изобилия» на гербе города Кунгура, где проходила одна из ярмарок, оказалось неожиданным и даже спорным для ее участников).
6. Демонстрация важности понимания эвристик «фигура – фон» в производстве изделий народных промыслов, продуктов питания и сувениров (на примерах пряников, глиняной игрушки, музеев и так далее) и «социальный товар» (когда у потребителя оказывается два мотива покупки – личные потребности и желание поддержать локальный, часто социальный бизнес).
7. Размещение заказов на необходимые для слетов материалы (фартуки, банеры, питание, транспорт, проживание и так далее, при наличии таких сервисов) на основе местных бизнесов и предприятий.
8. Отдельно можно выделить такой вид поддержки как визуальное оформление и социальная реклама ярмарки, создание бренд-бука там где его не было и демонстрация сквозного брендинга события (с созданием анонсирующих и постсобытийных роликов, отрисовкой в локальной стилистике элементов фирменного стиля и так далее, [Вайнер, Гладких 2012]).

Такой подход к поддержке локальных инициатив по развитию своей территории проявил несколько интересных явлений, подтверждающих уже озвученные системообразующие факторы в первой части статьи.

В частности, практически в каждом населенном пункте проявились несколько типовых элементов:

1. Женский коллектив организаторов (подчеркивающий отмеченный Н. Зубаревич потенциал, переходящий в активные действия при наличии поддержки). Интересно, что на формирование таких коллективов существенное влияние оказали грантовые конкурсы «Активное поколение» (для пожилых жителей) и «Культурная мозаика» (для населенных пунктов менее 50000 человек).
2. Ключевыми фигурами (медиа-лицами, мастерами) выступают переехавшие из города специалисты (средний класс). Так в Пинеге Архангельской области партнером Ярмарки, взявшим на себя логистические, транспортные расходы, проживание и часть анимации, стала семья из Москвы, с пинежскими корнями, выкупившая и реконструировавшая на современном уровне туристический центр Голубино в нескольких километрах от поселка.
3. На фоне сезонного сбора дикороссов, ягод, грибов и так далее, формируется кооперация по локальной переработке и авторскому брендингованию товаров. В обсуждениях активно подчеркивается социальный характер кооперации — с уходом от зависимости от сезона и коллективному распределению прибыли между всеми участниками.
4. Наиболее эффективны события, где администрация занимает позицию «исполнительной» власти, не мешающей, но активно выполняющей решения местного оргкомитета (актива) населенного пункта.
5. Чем меньше финансовых возможностей у администрации, тем больше проявляется активность местных жителей, как соорганизаторов события и тем больше интерес в туристе, как инвесторе, в партнерах, как нефинансовых помощниках. Это явление особенно заметно проявилось в самом «богатом» Городце, где местные жители в разговорах с экспертами даже жаловались на факт проведения ярмарки, как события, не влияющего на реальное развитие местных традиций, школ мастеров и так далее.
6. Эффективность, социальная связность и договороспособность актива выше там, где создан комьюнити или соседский центр, где активно работают ТОСы.
7. Территория в целом более открыта к принятию новой активности, если на ней уже работают инфраструктурные социально-ориентированные организации — ресурсные центры НКО (как в СЗФО — Архангельский центр «Гарант» и в Иркутской области — Фонд «Возрождение Земли Сибирской»)
8. Огромную роль играют проводимые на местах образовательные программы — в первую очередь по социальному проектированию, социальному предпринимательству, экологическому предпринимательству.

9. Выделение особенной позиции активных жителей — социальных предпринимателей, цель деятельности которых часто не связана и не подразумевает извлечение прибыли, но направлена на получение нового качества жизни в малых городах и сельской местности также позволяет говорить об обнаружении важного и особенного, «секретного» элемента влияния на развитие территории.
10. Появление в локальном сообществе внешнего, независимого субъекта помогает объединить интересы всех заинтересованных в развитии территории сторон, не способных часто согласовать свои интересы друг с другом в обычной ситуации.

Подводя итоги, можно сказать, что выделенные форматы поддержки и типовые закономерности могут быть рассмотрены как пример набора рекомендованных элементов развития территории, а сам проект проведения Слетов социальных предпринимателей можно считать успешным, при нескольких уточнениях.

Одним из ключевых и важных моментов развития территорий, а точнее развития локальной жизни на территориях, является активное вовлечение местных жителей, во всех возможных формах. Часто — уже существующие кое-где общественные организации ветеранов, многодетных матерей, спортивные клубы, люди, работающие с людьми (врачи, библиотекари, учителя, заведующие клубами), пенсионеры с опытом работы, мастера, оставшиеся без работы из-за закрытия предприятий, предприниматели, просто люди с активной жилкой, которые собирают сезонные продукты и торгуют, как могут и где могут, и кормят этим всю семью, не уезжая из села. Все они могут поверить, что глава поселения действительно ждет помощи, а их энергия и умения, наконец, оказались востребованы для развития территории. Эти люди могут объединиться в общественный совет при главе и помогать определять направления развития территории. Они могут создавать общественные и некоммерческие организации и своими силами решать часть проблем местного сообщества. Эти люди, поддержанные за свою активность другими односельчанами, могут становиться депутатами и уже в новом статусе обеспечивать развитие территорий и т.д. Если нет этой «горожаноориентированности» как приоритета развития, эффективность будет крайне низкой [Вайнер 2011].

С другой стороны, важно сместить акценты с сельскохозяйственной или любой другой традиционной деятельности в советский период, на несельскохозяйственную, так как важный источник поддержания устойчивости развития сельской местности, занятости и доходов. Так, Н. Е. Покровский выделяет основные направления развития несельскохозяйственной деятельности, на примере костромской области: сельский и экологический туризм; заготовку и переработку дикорастущих плодов и ягод, лекарственных растений и другого природного сырья; охоту и рыболовство и обеспечение связанных с ними услуг; бытовое и социально-культурное обслуживание местного и сезонного городского населения; точечную заготовку древесины и специализированную деревообработку, производство строительных материалов

и строительство; хранение, переработку и сбыт экологически чистой сельскохозяйственной; сельскую торговлю и пр. [Покровский 2008]. Но еще более актуально для формирования устойчивой эко-среды формирование условий для развития социальных сервисов, ориентированных на местных жителей – сервисы для пожилых, открытые мастерские, детские центры и творческие студии временного пребывания, прачечные, благотворительные магазины и фонды, школы мастеров, музейные сообщества, школы гостеприимства и туризма, экологические организации и так далее. Как отмечает Н. Е. Покровский, в будущем роль несельскохозяйственной деятельности еще более возрастет по мере сокращения удельного веса сельхозпроизводства в местной экономике [Покровский 2008].

Последний важный момент, который характеризует и окно возможностей развития территорий, и устойчивую угрозу роста социальной напряженности отмечается В. Ф. Петренко и В. В. Кучеренко: «Известно, что, когда животное попадает в ситуацию, не предусмотренную вековыми инстинктами, его поведение как бы перемещается на более раннюю стадию развития (пес начинает вести себя как щенок). Эта закономерность действует и в мире людей. Когда ломаются традиции, рушатся наработанные поколениями стереотипы, взрослый человек часто испытывает инфантильную потребность в руководителе, гуру. Воздействовать можно двумя способами: усиливая аргументацию (тогда тебя поймет взрослый, сильный человек) либо, повышая авторитетность источника (этот способ ориентирован на детское в нас. "Я знаю истину! Я поведу вас в рай Господень! Я восстановлю справедливость!" – говорит некто (необязательно шарлатан). Впадая в транс, он может сам в это верить. Люди чувствуют силу личности и идут за ним. А поскольку тех, кто в новых условиях потерял почву под ногами либо не нашел своего места, в нашей стране много, то бешеный успех имеют всевозможные шаманы, провидцы и даже политики, в арсенале которых главное – уверенная интонация».

Таким образом, на основе предварительных данных по отбору методов и форм поддержки и вовлечения жителей малых городов и сельской местности в процесса развития территорий, можно сделать ряд выводов о нескольких ключевых векторах такой активности:

- Адаптированный образовательный вектор: формирование местного комьюнити (сообщества) через образовательные программы в сфере социального проектирования, экономики совместного пользования, комьюнити-центров и общественных пространств, и далее социального, экологического и женского предпринимательства, социальной кооперации, формирования условий для роста числа общественных организаций и так далее.
- Нефинансовая, методическая и логистическая поддержка точек проявления «низовой активности» на территории, особенно на основе результатов первого вектора. Поддержка локальных событий, направленных на включение большего числа местных жителей, в том числе адаптирующихся к новой территории горожан.

- Финансирование микро-проектов в части непосредственного запуска социально-предпринимательских проектов, мини-мануфактур, передачи работ в локальные мастерские и так далее с формированием очевидных «очагов» новой экономики.
- Формирование образа «туриста–инвестора» для территории, с демонстрацией выгоды для местных жителей такого подхода.
- Закрепление и формирование устойчивых «градообразующих» событий, образов будущего, горожаноориентированных планов развития территории.

В настоящее время Слеты социальных предпринимателей продолжают. За первые девять месяцев в ярмарках и слете приняли участие не менее 1200 предпринимателей из более двадцати регионов страны. Описанный подход находится еще в стадии эксперимента и предварительного анализа и заслуживает в дальнейшем более глубокого изучения по итогам реализации слетов, а также в сравнении с другими регионами.

Список источников

Вайнер В. Общественные инициативы в развитии сельских территорий: рекомендации эксперта // Сообщества и Альянсы на муниципальном уровне. 2011. № 2. С. 18.

Вайнер В. Л., Гладких Н. Ю. НКО: эффективная социальная реклама. – М.: ЗАО «Книга и Бизнес», 2012.

Гладких Н. Ю., Гульбекян М. Г., Вайнер В. Л., Фролова Е. И. Образ социального предпринимателя – Россия и Казахстан. Взгляд SAP. – М: Изд-во О. Пахмутова, 2017 г.

Глазычев В. Глубинная Россия: 2000–2002. – Litres, 2017.

Зубаревич Н. Развитие сельских территорий России, социальные и гендерные проблемы // Международный сельскохозяйственный журнал. 2017. № 2. С. 12–13.

Международный опыт поддержки социального предпринимательства. Документы и кейсы Республики Корея для развития социального предпринимательства в России». / Ред: В.Л. Вайнер. – М: Изд-во О. Пахмутова, 2016.

Нефедова Т. Г., Полян П. М., Трейвиш А. И. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: монографический сборник. 2001. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ knigi/gorod/gorod.html> (дата обращения 14.09.2017)

Петренко В. Ф., Кучеренко В. В. Искусство суггестивного воздействия. // Российская наука: дорога жизни. – Российский Фонд Фундаментальных Исследований. 2002. С. 350–957.

Покровский Н. Е. Перспективы российского Севера: сельские сообщества // Мир России. Социология. Этнология. 2008. Т. 17. № 4. С. 111–134.

Социальное предпринимательство России. Информационно-справочный каталог. / Под ред. В. Вайнер, Д. Большаковой, М. Гульбекян. – М.: Ваухауз, 2017.

Филиппович Л., Павлова И. Кто будет жить в Опухликах // Ваш выбор. № 5 1995. С 22–25.

Шомина Е. С. Соседские центры как элемент инфраструктуры соседского сообщества // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2015. № . 4 (8). С. 95–104.